

Пинчан гроссмейстерами не удивишь. В разные времена здесь побывали чемпионы мира Тигран Петросян, Михаил Таль, международные гроссмейстеры Юрий Балашов, Александр Белавский, Евгений Свешников, Борис Гельфанд, Василий Иванчук и другие.

Но и сам Пинск дал миру известного гроссмейстера. Это Семен Абрамович Фурман. Он родился 1 декабря 1920 года в бедной семье пинских ремесленников. Детство и юность будущий шахматист провел в России, куда семья бежала из Польши перед началом второй мировой войны. Семен Фурман получил рабочую профессию и работал на одном из ленинградских заводов. Увлечением его были шахматы. В 25 лет он стал мастером спорта, а звание международного гроссмейстера завоевал в 1966 году, став победителем открытого чемпионата Чехословакии. В 1973 году ему присвоено звание заслуженного тренера СССР. В основном за успешную подготовку к чемпионату мира Анатолия Карпова. Семен Фурман был тренером А.Карпова с 1969 по 1978 год, до последних дней своей жизни.

Кроме того, наш земляк был тренером сборной команды СССР на всемирной олимпиаде (1974г.) и на чемпионате Европы (1977г.)

Семеном Фурманом сыграно множество блестящих партий. В его активе победы над Спасским, Флором, Корчным, Кересом, Петросяном, Чалпером, знаменитыми гроссмейстерами. Трижды Семен Фурман был чемпионом Ленинграда, чемпионом ЦСДСО "Спартак", участником 13 чемпионатов СССР. Он двукратный победитель командных чемпионатов СССР, участник чемпионата Европы, победитель и призер пяти международных турниров.

С.Фурман внес большой вклад в развитие шахматной теории. В 1988 году под редакцией А.Карпова в Москве вышла книга "Семен Фурман", где помещены лучшие партии с авторскими комментариями.

В предисловии Анатолий Карпов пишет: "Есть гроссмейстеры, которые нередко помогают другим сильным шахматистам играть в соревнованиях. Их привычно называют тренерами, хотя, на мой взгляд, они в большей степени выполняют роль секундантов - помощников на трудном турнирном или матчевом пути.

Другой вариант, когда шахматисты, наделенные тренерским талантом, заметно уступают в силе своим подопечным. Деятельность такого плана также немаловажна. Они создают дружелюбную обстановку, хорошее настроение, помогают организовать время, оберегают от различных мелких забот.

Но существует и идеальное сочетание сильного практика и выдающегося тренера. Таким среди гроссмейстеров был Семен Абрамович Фурман, в течение десяти лет помогавший мне постигать многословную науку шахматного ма-



ПИНСКИЙ ГРОССМЕЙСТЕР

стерства - от "звания мастера до чемпиона мира".

Любопытно, что первые упоминания об участии Фурмана в серьезных соревнованиях встречаются еще в довоенной периодической печати. Например, в журнале "Шахматы в СССР" № 3 за 1941 год опубликована таблица первенства Ленинграда, среди семнадцати его участников был и Фурман.

С 1982 года в Ленинграде проводится мемориал Фурмана. Такой мемориал прошел в октябре 2000 года и в Пинске. Приветствие участникам соревнования прислал экс-чемпион мира Анатолий Карпов.

Такие мемориалы на родине гроссмейстера решено celebrar традиционными.

Семен ШАПУРО.

П П Ш Х А



МИШПОХА

Все мы — одна семья. Эти слова стали эпитафией газеты "Мишпоха", которая издается Общественным объединением "Бобрыйское городское еврейское благотворительное общество "Рахамим" (Хэсад Шмуэль).

Недавно мы получили письмо из Бобрыйска. "Нашим читателям, - пишет директор издания Л.Горелик, - очень

нравится журнал "Мишпоха", и мы назвали свою газету так же".

С интересом познакомился с бобрыйской "Мишпохой". Газету отличает многообразие жанров, интересная подача материала, доброе отношение к людям, ради которых затеяно это издание.

"Мишпоха" выходит один раз в месяц, довольно скромным тиражом 299 экземпляров. Но, как уверяют ее издатели, каждый номер читает по несколько семей. Недавно газете "Мишпоха" исполнилось три года.

Адрес газеты: 218286, г. Бобрыйск, ул. Комсомольская, д.33, тел. (02251) 7-60-64.

Новые книги

Живописец Соломон Эшштейн родился в Витебске в семье портного. В 30-е годы его семья переехала в Ленинград. Закончив в 1953 году Академию Художеств, Эшштейн посвящает себя преподаванию в различных домах культуры и любительских студиях. Персональных выставок было всего две. И сам художник очень требовательно всегда относился к себе. И власти никогда не были к нему особенно благосклонны.

Каждое полотно занимает у художника достаточно много времени, из-под его кисти появляется около трех полотен в год. Хотя вряд ли статистика уместна для характеристики творчества художника. Неоднократно в его творческой судьбе возникали моменты, когда полотно "не шло", он его оставлял и возвращался через годы.

Любимый жанр Эшштейна - портрет. "Художник любит модель, можно сказать, всматривается в нее с любовью. В многочисленных портретах сына, жены, друзей люди конкретны и трепетно выхвачены из потока жизни, как бы еще не обскошными, не отряхнувшими с себя каплю потока", - пишет о работах Соломона Эшштейна искусствовед Семен Левин.

Важную роль в творчестве художника играет тема семьи и непосредственно связанная с ней тема любви. В его портретах семейных пар можно увидеть необыкновенную нежность и лиризм.

Связав с портретом свою творческую жизнь, Эшштейн большое внимание уделяет и другому жанру - пейзажу. Художник создает прекрасные лирические полотна, посвященные Петербургу.

Соломон Эшштейн всегда любил путешествовать.

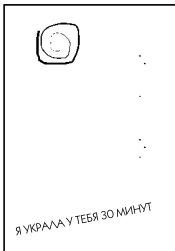
У него накопилось огромное количество набросков, которые с помощью новой техники - акварель, пастель и соус по бумаге "по-мокрому" - быстро превращались в лирические пейзажи Камчатки, Прибалтики, Поволжья, Израиля, Северной Америки.

Мы поздравляем Галину Левину, постоянного автора журнала "Мишпоха", с выходом в свет ее первой книги "Я украдал у тебя тридцать минут".

В этой книге много необычного. И стихи, и рисунки, и само название. И это поначалу не только удивляет, но и шокирует.

Далеко не каждый поэт рискнет с такой раскованностью назвать первый сборник стихов, к которому долго готовившись, гадаешь, рискнуть или отложить публикацию до лучших времен.

И тем не менее Галина Левина заявляет в названии книги, что собирается украсть у читателей их время. Скажете, рекламный ход. Или легковесное отношение к своему творчеству.



Центральным выставочным залом "Манеж" и Еврейским общинным центром Санкт-Петербурга, при поддержке распределительного комитета "Джойнт", издан Каталог произведений С.Б.Эшштейна. Каталог, как и выставка, стали подарком художнику к его 75-летию.

Художник продолжает работать. Работать и делиться с нами своими наблюдениями, впечатлениями, мыслями...

Ошибаетесь. Отношение самое что ни на есть трепетное. Просто чувственность, которой пронизано каждое стихотворение, каждая строка, каким-то неуловимым образом замешана на саморинии.

В итоге - поразительный результат. Эта книга о любви. О любви к абрикосовому дереву, невесте откуда взявшему в местечке Лошица, к улочке в старинном швейцарском городе, к часам на городской башне, отсчитывающим последние дни нашего с вами тысячелетия.

Стихи и рисунки Галины Левиной - признание в любви к близким и дорогим ей людям.

А ирония - всего лишь щит, которым поэт пытается прикрыть удивленную красоту от суетливых взглядов. Эта книга - своеобразный дневник, который писался добрый десяток лет во время путешествий и странствий по разным городам и странам.

Галину Левину, архитектора по профессии, нельзя назвать дебютантом ни в литературе, ни в изобразительном искусстве. Ее стихи публиковались в солидных изданиях, а рисунки принимали участие в престижных выставках.

Аркадий ШУЛЬМАН.



Евгений Ганкин я не знала. Вернее сказать - я не была с ним знакомым человеком. Что же до самого имени, оно было очень хорошо известно и привычно для слуха и глаза. Так и видеть его прекрасные изобретения, мысленно прокручивая типы многоцветных белорусских изданий: художник, карикатурист - Евгений Ганкин. Хорошо певая, как бывало, в начале девяностых наши непереносимые беседы с Григорием Лявонием Раксом - замечательным еврейским певцом,

с которым я тогда уже позванивалась и подружилась, - вдруг нередко превращались телефонным звонком. "Я перезвоню Вам позавтра. У меня гости", - говорил Григорий Лявонин в трубку, а затем мне: "Этот Ганкин. Прекрасный человек, художник и, между прочим, поэт. Он знает идиш и даже когда-то пел на идиш стихи. Надо его как-то к нам привлечь". К нам - это в Минское объединение еврейской культуры им. Изи Харика "Колесня, нади!" с готовностью отвечала я. Так было не раз. И готовность, и желание были искренними, но... Все же ни "но", запеканочность и растоятельность, как будто и впервые в запасе вежливости и, увы, неважно неумолимости времени.

В квартиру на ул. Нагуратиков я пришла несколько лет спустя, когда Евгения Марковича уже не стало. Мы пришли туда с художником Мамой Друцкой по приглашению жены Е. Ганкина, известной белорусской психологини Лидии Арабей. Среди работ Евгения Марковича, известных на слухах и картинах, были портреты Изи Харика, Соломона Миневича, Гирша Кавецкого и Зельки Аксельрод. Евгений Ганкин показал эти портреты по фотографиям дарючих его сердцу людей. Теперь мы видим их всегда, когда бываем в Хасиде Рахмане Минска - Лидия Лявонна подарила их клубу Хасида.

Прошло еще несколько лет. И вот у меня в руках книга, на обложке которой написаны "Евгений Ганкин. Крыло Ангела". И чуть ниже - эссе, очерки, воспоминания. Привязность честно, я с некоторым опасением взяла эту книгу в руки. С опасением не по поводу ее содержания или литературных достоинств, а потому, что мне казалось, что для меня лично еще не вернулось время полного возвращения в прошлое. Чего только и слышно было прочим мы за последнее десятилетие! Сколько лютного и страшного узнали мы о времени и о себе! Столько, что и прекрасные черты несомненно прекрасных людей не то чтобы потеряли некоторую привлекательность на этом ужасном фоне, но стали как бы несомненно не во времени. Во новом смысле для меня лично. Помните, у Б. Ахмадулиной:

И вот тогда - из сна, из темноты,
из бедного невежества бывшего
другей моих прекрасные черты
появятся и растворятся снова.

Вот это самое "тогда" для меня еще не наступило. Так мне казалось. И все-таки я раскрасила книгу и начала чи-

тать.

Бывают факты, настолько известные уму, что, давным-давно утратившие эмоциональную окраску, они остаются сухим знанием и больше не удивляют, не потрясают, не вызывают волнения души. Например, кто из нас сегодня не знает о том, что когда-то очень многие нынешние небольшие города и городские поселки Беларуси были еврейскими местечками, что в иных крупных городах большую часть населения в процентном отношении по сравнению с другими национальностями составляли евреи, что были еврейские школы, газеты и журналы, театры и синагоги, и языком общения была прекрасный язык идиш! Я тоже знаю это. Знаю давно. А вот потрясло меня, ослепило, взорвало изнутри, заставило почувствовать, пережить и ощутить жгучую горечь и острую боль потери, лишь когда я читала воспоминания Е. Ганкина. Вот он описывает приезд Изи Харика - известного еврейского поэта - в местечко Щедрин в 1932г. Так и видишь переполненный зал клуба, оборудованного в пожарном депо, стол, застеленный красной бархатной скатертью, керосиновую лампу на столе и под потолком. И Харика в белоснежной рубашке. Поэт читает свои стихи на идиш целому залу понимающих этот язык людей, среди которых не только евреи, как, например, тракторист Никодим - белорус, неплохо говоривший по-еврейски!

В книге Е. Ганкина мы встречаемся со многими замечательными и талантливыми людьми. Сергей Эйзенштейн и Владимир Высоцкий, Марк Шагал и Юдель Жан, Дюрер и Джузеппе де Сантис, Соломон Михоэлс и Заир Азгур, Зелик Аксельрод и Гирш Канецкий, учителя, друзья детства, коллеги по работе - всех их с огромной теплотой и любовью не просто вспоминает Евгений Маркович, а воскрешает, возвращает в наш мир, открывает их для нас заново. Книга написана поистине кистью художника. Я не оговорилась. Не пером, а кистью. О чем бы ни писал Ганкин, какое бы место или чью бы внешность он ни описывал - все так живо и ярко, как свойственно лишь живописи. Слово Евгения Ганкина обладает особой, изобразительной, силой. И еще силой магической: читаешь о ком-то, а незаметно начинаешь думать о себе. И поток сознания уже несет тебя, сметая и размывая границы времени и пространства, порождая все новые и новые ассоциации, причудливо соединяя чье-то пережитое с твоим собственным и вдруг ощущаешь, как крыло ангела тихо касается твоей души и с удивлением и радостью обнаруживаешь, что она, душа, действительно есть!

Новые книги



До войны в Витебске, на Канальной улице располагался старинный красивый сад Тихоновского (по фамилии его дореволюционного владельца), в котором находился городской Летний театр. Каждое лето в нем гастролировал Минский государственный театр БССР. Директором Летнего театра был наш родственник Борис Львович Пальчик (первый послевоенный директор го-

родского музыкального училища), и посещение театра было для меня - тогда мальчишки - несложным делом. Именно в те довоенные годы я встретился с еврейским театром, его красочными, запомнившимися на всю жизнь спектаклями "Колдунья" и "Цвей кунеслемех" А. Гольфадена, "Тельмолочник" и "Кровавая шутка" Шолом-Алейхема и др.

И вот новая встреча - на этот раз с книгой А.Г. Герштейн "Судьба одного театра", выпущенной в свет в 2000 году минским издательством "Четыре четверти" и посвященной творческой истории Государственного еврейского театра БССР, который от рождения (1926 г.) до последнего дня своего существования (1949г.) был ярким воплощением национальной культуры и духа евреев Белоруссии.

На основе анализа лучших спектаклей автор знакомит читателей с достижениями театра, яркими режиссерскими и актерскими работами, обращаясь при этом к классическому

наследию еврейской драматургии и сценографии, а также к новаторским поискам коллектива театра.

А какие были в театре режиссеры и актеры! М. Рафаэльский и В.Г. Оловчинер, А. Литвинюк и Н. Лайтер, Ю. Арончик и М. Сокол, Б. Фельдман и М. Фридман, И. Левин и Г. Герштейн и многие, многие другие. Иначе как замечательным не назовешь репертуар театра. Еврейская классика - уже названные пьесы, а также пьесы Я. Перца, Мендела Мойхер-Сфорима и другие - были горячо любимы театральной публикой. Разнообразно были представлены русская, белорусская и советская драматургия ("Фальшивая монета" М.Г. Горького, "Без вины виноватые" А.Островского, "Русский вопрос" К.Симонова), зарубежная драматургия ("Фунте Овехуна" Лопе де Вега, "Виндзорские проказницы" В.Шекспира, "Пигмалион" Б. Шоу) и многие другие.

Театр был носителем мировой, в том числе, и в первую очередь, еврейской культуры, что в пору нарастания в стране государственного антисемитизма вызывало неудовольствие, а подчас и открытую злобу властей предреволюции. Из театра под предлогом борьбы с космополитизмом удалялись ведущие режиссеры и актеры, царил предвзятый, зашуганный критика, но зловещим сигналом решающей атаки на театр стало убийство в Минске в 1948 году великого еврейского артиста С.Мичоховса. В марте 1949 года театр был закрыт. Был нанесен удар по культуре Белоруссии, по еврейской культуре, в первую очередь.

Но удивительное дело - память о театре не ушла в небытие. Без истории театра, его успехов и вклада в общую сокровищницу культуры не представляется возможным уяснить путь развития театрального искусства в республике. Трагедия театра обернулась его немеркнувшей славой. Тому свидетельство - книга А.Герштейн "Судьба одного театра".

Борис КАНТОРОВИЧ,

кандидат философских наук

Автор этой книги — Абрам Рубенчик, должен был умереть в 13 лет. Потому, что так было запланировано Гитлером и его преступным окружением. Однако благодаря собственной энергии, жажде жизни и цели счастливых случайностей он выжил в страшных условиях Минского гетто и стал воином — партизаном, борющимся с немецкими оккупантами, которые уничтожили его родных и земляков — евреев, живших в Белоруссии.

Абрам Рубенчик написал книгу воспоминаний спустя многие годы



после окончания второй мировой войны, но цепкая детская память сохранила живые картины жизни евреев в Минском гетто и в партизанских отрядах, где автор с оружием в руках повоевал с убийцами своего народа.

Книга представляет несомненный интерес, как живое свидетельство одного из немногих выживших узников Минского гетто. Она является данью памяти невинно убитым евреям Белоруссии, части европейского еврейства, погибшего в огне Катастрофы и одновременно памятником мужеству и героизму евреев - борцов Сопротивления. Мы проклинаям нацистов и их прислужников - полицаяв и, в то же время, с благодарностью думаем о Праведниках мира - ибо без их помощи спастись бы не удалось многим узникам гетто. Абрам Рубенчик пишет искренне и правдиво, в этом главная ценность этой книги.

Давид ТАУБКИН,

бывший узник Минского гетто,
экс-президент Ассоциации евреев -
бывших узников гетто и нацистских концлагерей.

Карась

и международная политика

Эта история произошла осенью 1982 года, вскоре после того, как советские силы ПВО сбили южно-корейский гражданский лайнер, а руководство СССР заявило, что это был самолет-разведчик Соединенных Штатов.

Студент пятого курса Витебского мединститута Сергей Карась спешил на лекцию. Он только что получил стипендию, и после расдачи догов у него в кармане еще оставалось 25 рублей. Сергей мучительно соображал - как бы получше распорядиться этими деньгами, пока они не разошлись.

Навстречу ему по коридору шел профессор Родионов. Караса вдруг осенила мысль.

Юрий Яковлевич, здравствуйте.

Здравствуйте, Карась.

Юрий Яковлевич, вы как, политику Рейгана осуждаете?

Ну, естественно, осуждаю.

А как вы относитесь к инциденту с южно-корейским самолетом?

Отрицательно, разумеется.

А вот если бы Рейгану написали коллективное письмо и в нем потребовали бы объяснений по поводу этого инцидента, вы бы подписались?

Конечно, подписался бы.

Я так и думал.

И Карась пожал Родионову руку.

После занятий Сергей зашел на почту и отправил телеграмму.

Адрес: Вашингтон, Белый дом, президенту Рейгану.

Текст: Возмущены вашей политикой тчк требуем объяснений по поводу инцидента с южно-корейским самолетом тчк

Подписи: Студент Карась, профессор Родионов.

Назавтра Родионова вызвали к ректору.

Юрий Яковлевич, вы в своем уме? Рейгану телеграммы отправлять? Как только да такого додуматься можно?

Когда профессор вник в суть дела, он беспомощно развел руками:

Конечно, мы знаем и знали,
Что "В мудрости много печали".
Но все-таки плач мудреца
Отрадней, чем смех глупца.



от Анатолия Кравцова

Азохунвейсы

"Хава, ты вышла замуж за Пино?"
"Ну, можно считать, что наполовину".
"И как понимать нам такой ответ?"
"Я лично согласна, а Пиния - нет".

Раньше Додя держал привык
За тремя замками язык.
Времена изменились. Теперь
Три замка он поставил на дверь.

В конце концов...

Майсы



от Семена Шойхета

Ну да, задавал он мне вчера вопросы в коридоре. А что я ему должен был ответить?

С Карасем дело обстояло несколько сложнее - вроде бы ничего парень криминального не совершил, тем не менее, нужно было как-то про-реагировать. Долго решали, как поступить, в конце концов, собрали деканат, комитет комсомола, профком и вызвали Караса на ковер.

Увидев столь авторитетный консилдум, собранный в его честь, Сергей нерешительно остановился в дверях.

- Что, Карась, с Рейганом переписку затеяли? - грозно спросил декан.

Карась поднял глаза - они были чисты и невинны.

А что, уже ответ пришел?

Больше вопросов не последовало.

...Но на этом история не закончилась. Спустя два месяца Карась опять случайно встретил в коридоре Родионова.

Юрий Яковлевич, вы знаете, а вот Маргарет Тэтчер

...

Не, не, не, Карась, не надо!

Замахал руками профессор, повернулся и спешно удалился подалее от греха.

Обещают нам часто и веско:
Упорядочим все вопросы!
А потом оставяют с носом,
И нередко - с носом еврейским.

"Живите богато, - напомнила Злата, -
Насколько позволит вам ваша зарплата".
"А если зарплата нам жить не позволит?"
"Тогда не живите. Никто не неволит",

Когда ж придет спокойная,
Разумная пора,
Пристойная, достойная
Еврейского пера?

Уже год поцелуй воздушные Хае
Шлют сослуживцы Меир и Мотл,
А что же тут странного? Этик лентяев
Никогда не выскло к настоящей работе.

Я не знаю, будет нам лучше,
Я не знаю, станет нам хуже?
Но оставим на всякий случай
Силы-ножы стянуть потуже.